

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Ф. П. РЕРБЕРГ

**Воспоминания
о командовании
3-м Гренадерским
Перновским
короля Фридриха
Вильгельма IV
полком**

1909–1912

Федор Петрович Рерберг
1910
Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына

К КУЧКОВО
ПОЛЕ
МОСКВА
2019

Издано при финансовой поддержке
Государственной программы Российской Федерации
«Развитие культуры и туризма» 2019 года

ПОЛНАЯ ПРЕВРАТНОСТЕЙ ЖИЗНЬ КОМАНДИРА ПОЛКА

Рерберг Ф. П.

Р42 Воспоминания о командовании 3-м гренадерским Перновским короля Фридриха Вильгельма IV полком. 1909–1912 / предисл. К. А. Залесский, коммент. К. А. Залесский, В. Е. Климанов. — М.: Кучково поле Музеон, 2019. — 368 с. — (Живая история)

ISBN 978-5-907174-02-3

Воспоминания Ф. П. Рерберга посвящены мало отраженному в военной мемуаристике периоду, предшествовавшему началу Первой мировой войны. В 1909–1912 годах автор командовал дислоцированным в Москве 3-м гренадерским Перновским короля Фридриха Вильгельма IV полком; он повествует о быте полка, повседневной службе офицера в месте постоянной дислокации, а также во время маневров и военных сборов. Издание предоставляет читателю уникальную возможность получить из первых рук информацию о жизни русской армии в последние мирные годы перед войной. Они, безусловно, будут интересны как профессиональным историкам, так и читателю, интересующемуся, как жила русская армия, в том числе в Москве, в начале XX века.

Публикуется по рукописи из архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

УДК 94(47):82-94
ББК 63.3(2):84(2Рос=Рус)1

Воспоминания Федора Петровича Рерберга выделяются в достаточно обширном литературном наследии русской военной эмиграции. Будучи образованным человеком, выпускником Николаевской академии Генерального штаба и генерал-майором Русской императорской армии¹, автор старается как можно точнее описать происходившее, иногда увлекаясь мелкими деталями, которые тем не менее, складываясь, как мозаика, в единую картину, дают возможность не только детально представить жизнь и службу русского офицера-патриота, но и погрузиться в атмосферу, окружавшую русского офицера последнего царствования.

Рерберг принадлежал к служилой военной семье, его отец был полным генералом и членом Государственного совета, что предопределило его достаточно успешную на первом этапе военную карьеру. Он служил в гвардии, учился в Академии, воевал на полях сражений Русско-японской и Первой мировой войн,

ISBN 978-5-907174-02-3 © Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019
© Залесский К. А., предисл., коммент., 2019
© Климанов В. Е., коммент., именной указатель, 2019
© ООО «Кучково поле Музеон», 2019

¹ Подробная биография Ф. П. Рерберга, а также история его рода и судьба воспоминаний приведены в предисловии к первой книге его воспоминаний: *Залесский К. А.* Российская империя глазами генерала Рерберга // *Рерберг Ф. П.* Всё в прошлом: Воспоминания. 1868–1910. М., 2018.

познания, я взял считавшегося у нас знатоком подпоручика Голубицкого. Утром 2 марта 1911 года сели мы в скорый поезд на Курск. Около 12 часов дня пошли мы через вагоны в вагон-ресторан завтракать. Проходя по коридору 1-го класса, я увидел боковым зрением в открытую дверь одного из купе молодую даму, которая, как мне показалось, полусидела на диване с ногами и, кажется, что-то вязала. Мне, почему-то, показалось, что эта дама похожа на великую княгиню Ольгу Александровну, сестру государя; дойдя до конца вагона, я остановился. Когда Голубицкий дошел до меня, я сказал ему: «Вернитесь, а потом опять пройдите мимо того купе и постарайтесь мимоходом взглянуть: мне, почему-то, показалось, что в этом вагоне едет великая княгиня Ольга Александровна». Голубицкий исполнил мое приказание и, нагнав меня, сказал, что этого быть не может, чтобы сестра государя ездила в купе обыкновенного вагона. Мы сели за столик и начали завтракать. Не прошло и часа, как отворилась дверь и в вагон ресторана вошла эта дама, вслед за ней шел неведомый мне полковник в адъютантской форме, дама села спиной ко мне, а полковник лицом. Оба были с обручальными кольцами. Оба смотрели в окно и тихо разговаривали. Сходство с великой княгиней было удивительное. Окончили они завтрак раньше нас и удалились. И походка ее... конечно, мне трудно было ее узнать при подобной обстановке, ибо в последний раз я ее видел в июне 1903 года в Либаве. За обедом произошло то же самое.

Уже было темно, в подъезде горели огни, когда, окончив обед, я шел в свой вагон. В коридоре соседнего вагона я натолкнулся на полковника и не выдержал:

— Господин полковник, простите за нескромный вопрос: дама, с которой вы завтракали и обедали...

Я не успел закончить вопроса.

— Это ее высочество, — сказал полковник. — Она едет к своему брату⁶⁵ в Орел.

— Позвольте, почему же сестра русского царя едет в обыкновенном пассажирском вагоне?

— Вышло недоразумение, и вагон ее высочества идет тем же поездом, но сутками позже.

— Почему же вы поехали сутками раньше?

— Ее высочество не захотела откладывать отъезда и добавила, что ей очень интересно проехать в общем вагоне с пассажирами!

— Простите, полковник, за нескромный вопрос, можно ли представиться ее высочеству?

— Я думаю, что можно. Вы войдите ко мне в купе, а я пойду ей доложу.

Я расселся в его купе, как был, с папироской, около самых дверей, и не успел два раза затянуться, как в дверях купе появилась светлая фигура. Великая княгиня пришла сама в купе и остановилась в дверях. Я вскочил, бросил куда-то папиросу и представился великой княгине. Она была в высшей степени мила и благосклонна, и сейчас же начала разговаривать; впечатление получалось такое, что будто мы с ней уже давно знакомы и в отличных отношениях. Я сказал ее высочеству, что я ее не сразу узнал, так как никак не мог себе представить, чтобы сестра государя могла ехать в обыкновенном пассажирском вагоне, в котором ездит публика слишком разнообразная, завтракать и обедать в одном с нами ресторане, кушая довольно невкусную кухню... Ее высочество улыбнулась и сказала:

— А мне так нравится, мне очень интересно.

Я стоял в купе, а великая княгиня стояла на пороге в дверях купе так, что, когда по вагону кто-либо проходил, ей приходилось несколько поддаваться корпусом в купе. Я предложил ее высочеству поменяться местами.

— Нет, не надо, — сказала она, — Мне очень интересно видеть всех, кто проходит по вагону.

Мы стояли таким образом около часа и разговаривали о вещах самых разнообразных... Между прочим, она, показав пальцем на одетый на мне наш полковой знак, спросила:

— Что это у вас за знак?

Я ответил.

— А вы знаете, — спросила она, — что недавно государь оказал милость всем полкам, имеющим «юбилейные» знаки, переименовав их в «полковые»?

— Так точно, знаю, ваше императорское высочество. А изволите ли вы знать, каким образом дошло до государя это дело?

— Нет, не знаю. А разве вы знаете? Расскажите!

Тогда я рассказал, каким образом все гвардейские части по ходатайству главнокомандующего войсками Петербургского военного округа⁶⁶ получали на юбилеи значки «полковые», а армейские полки, ходатайства которых шли «по команде», получали только юбилейные.

— Почему же такая несправедливость? — спросила великая княгиня.

— Потому что все ходатайства армейских полков попадали, в конце концов, в Главный штаб и там и погибали!

— Как так? Почему погибали?

— А потому, ваше императорское высочество, что в Главном штабе служат не люди, а автоматы (говоря это, я имел в виду генерала Беяева и полковника Эльснера), а вместо сердец у них автоматические патентованные чернильницы, а вместо крови по жилам текут красные чернила, которыми они вычеркивают всякие благие начинания!

— Вот какого вы мнения о Главном штабе! — засмеялась великая княгиня. — Я в первый раз слышу такое сравнение! Так если через Главный штаб нельзя было провести дело, так как же удалось довести это дело до сведения государя, который не любит никакой несправедливости?

Тогда я рассказал ее высочеству все мои мытарства по сему делу и то, как на празднике Семеновского полка мне удалось поговорить с генералом Сухомлиновым и получить разрешение его высокопревосходительства подать ему соответствующую записку, после чего очень скоро последовало и высочайшее соизволение на переименование знаков армейских полков.

— Это очень интересно, — сказала великая княгиня. — Благодарю вас за интересный рассказ.

Поезд приближался к Орлу, куда следовала ее высочество. Прощаясь, она пожелала мне приятно провести время в деревне, просила передать привет моему полку, а когда я буду бывать в Петербурге, не забывать ее и за-

ходить к ней запросто. Я был совершенно очарован прелестной женщиной, ее обращением, ее голосом, а главное, искренним и приветливым взором ее прекрасных, честных глаз. Поезд замедлял ход. Показалась платформа станции Орел, заполненная черниговскими гусарами, встречавшими обаятельную сестру их августейшего командира⁶⁷. Выходя из вагона, великая княгиня еще раз пожелала мне всего лучшего и моментально была окружена непроницаемой стеной черниговцев. На другой день, приехав в деревню, я тотчас написал письмо в полк, в котором в кратких чертах рассказал мою встречу с великой княгиней, написал полку привет ее высочества и добавил, что ей очень понравился наш полковой знак. Когда через две недели я возвратился в Москву, то мне было доложено, что в мое отсутствие общим собранием господ офицеров полка постановлено поднести полковой знак в виде брошки ее императорскому высочеству великой княгини Ольге Александровне, и просить командира полка при возможности поднести этот знак ее высочеству лично, и передать ее высочеству самые горячие чувства семьи перновских офицеров. Вскоре я был в Петербурге и отвез ее высочеству прехорошенькую брошку, но очень неудачно: я ее не застал дома, а когда застал, то она была уже в шляпе и должна была куда-то ехать. Она с благодарностью приняла знак, просила передать господам офицерам ее самую искреннюю благодарность за внимание, очень извинялась за то, что не может для меня остаться дома, просила у нее бывать. В тот же вечер я уехал в Москву, а дальнейшие обстоятельства сложились так, что больше мне не пришлось бывать в Петербурге за исключением раза, когда я приехал по случаю смертельной болезни и смерти моего отца в мае 1912 года⁶⁸, но тут мне было не до визитов. Все эти обстоятельства мною были также описаны и в виде отдельного рассказа, также вложены для хранения в полковой музей.

Таким образом, жил я у перновцев и день ото дня наслаждался чувством духовного единения со всем составом того прекрасного полка, которым мне пришлось командовать. Я все полюбил в своем Перновском полку,

начиная от полковой церкви и кончая околотком⁶⁹ и пекарней; полюбил перновцев от старшего полковника до последнего обозного нестроевой роты. Я думаю, что чувства эти были искренни. Полюбив полк, я заступался за своих подчиненных, хотя бы за это мне приходилось терпеть неприятности, и полк это сразу понял и оценил. Все поняли, что «старался» я не для себя, а для полка, а поняв искренность моих отношений к полку, они мне платили тем же. Я же отдавал все свои мысли и внимание полку и, особенно среди нижних чинов, чувства «принадлежности к части», любви к полку и всяческого старания на честь и славу полка. Я старался развивать в солдате любовь к *своей* роте и *своему* полку как к большой семье, скрепляемой чувством чести и долга. Я всячески старался действовать на моральные начала не словами, а, главным образом, делом. Для усиления внутренней связи между офицерами и нижними чинами я старался принимать участие и привлекать к сему офицеров во всяких случаях: и радостных, и горестных; я старался не пропускать ни одного ротного праздника, елки, спектакли, вечера, но никогда не относился равнодушно к случаям горестным и всегда старался реагировать на случаи заболевания и смерти нижних чинов.

ГЛАВА XII

Солдатские похороны

Похороны нижних чинов были обставлены крайне бессердечно. Военный госпиталь [был] расположен на другом конце города, в Лефортове⁷⁰, верстах в десяти. Военное кладбище еще дальше — в верстах в двенадцати. Уход в иной мир каждого нашего солдата мало был замечен. Порядок оставления полка «навек» отмечался лишь несколькими бездушными строками приказа по полку: «Исключить с провиантского и приварочного довольствия гренадера такой-то роты, имя и фамилия, отправленного на лечение в Московский военный госпиталь»... Недели через три в таком же приказе читается: «Для отдания воинских почестей телу скончавшегося того-то числа в Московском военном госпитале гренадера такого-то нарядить от такой-то роты отделение в шесть рядов под командой отделенного начальника при барабанщике. Наряду прибыть к часовне военного госпиталя завтра, к 8 часам утра. Для наблюдения за похоронами наряжается подпоручик такой-то. Для опускания тела в могилу и его закапывания назначить от такой-то роты шесть гренадер с лопатами, которым следовать вместе с нарядом...». Еще недели через две: «Такой-то роты гренадер,

имя рек, умер в Московском военном госпитале от брюшного тифа такого-то числа, исключается из списков полка». Справка: «Сношение госпиталя № такой-то» — вот и выбыл бравый гренадер, увезли его в госпиталь, там он умер, там чужие люди его вскрыли, выпотрошили, зашили, положили в выкрашенный охрой гроб и закопали где-то за городом! Мне не нравилось столь бездушное отношение к умершим. Поэтому я приказал на будущее время в подобных случаях, чтобы вместе с нарядом следовала на похороны вся рота без ружей, со всеми офицерами.

В средних числах февраля 1911 года московская «охранка»⁷¹ предупредила командующего войсками округа, что 19 февраля, в день 50-летия освобождения крестьян, в Москве готовятся какие-то революционные выступления рабочих. Плеве моментально принял решительные меры: он приказал, начиная с 18 февраля, прекратить увольнение нижних чинов со двора, а с утра 19 февраля всем полкам Московского гарнизона (девять полков гренадерской пехоты, один полк гусар и один казачий⁷²) быть в своих казармах в полной готовности выступить по первому требованию, офицерам быть при полку. Вынуть из складов достаточное количество патронов и т. д. С раннего утра 19-го полк был в полной готовности, 60 000 патронов, кроме караульных, стояли в ящиках в комнате дежурного офицера. Все офицеры полка в боевом снаряжении были собраны в полковом собрании, которое жужжало, как улей. С раннего утра, обойдя роты, я также был со своими офицерами в собрании, продолжая заниматься очередными делами.

Во время завтрака ко мне подошел командир 6-й роты капитан Михаил Владимирович Фриде и доложил мне, что ему передали по телефону из госпиталя о только что происшедшем там печальном событии: находившийся там на излечении его роты младший унтер-офицер Григорий Титов сегодня ночью скончался от туберкулеза легких. Завтра состоится похороны. Я тотчас решил попытаться начать переход на более достойным образом отправляемый последний наш долг перед солдатом. Наведя справку, свободна ли завтра с утра наша полковая

церковь и может ли завтра батюшка произвести отпевание Титова в полковой церкви, я поручил капитану Фриде начать переговоры с госпиталем о возвращении нам сегодня ночью тела Титова, за которым я пришлю лазаретную линейку. Переговоры удалась: госпиталь согласился. Тогда я приказал хору певчих собраться и произвести необходимую спевку, полковому адъютанту приказать оркестру немедленно начать сыгрываться, повторяя похоронные марши. Капитану Фриде было поручение украсить немного позументами госпитальный гроб, а ротную телегу, обив черной материей, обратить в траурную колесницу. Все, кто мог, принял участие в подготовке похорон. Так как все магазины в нашем районе оказались запертыми, то жена фельдфебеля нестроевой роты Краузе бегала с черных ходов по знакомым лавкам, и ей удалось купить все, что надо было: и черную материя, и белый позумент... Тело было доставлено на рассвете. Оно лежало в госпитальном гробу без внутренней обивки, без подушки. Сейчас же солдатики 6-й роты вынули тело, обили внутри материей гроб и сели шить подушку, которая была принесена перед самым отпеванием.

В церковь по моему приказанию пришла вся 6-я рота в полном составе и все унтер-офицеры полка, свободные от служебных нарядов. К началу богослужения собралось свыше 20 наших офицеров. Всем присутствующим были розданы свечи. Истоиво и сердечно молился отец Василий, явственно и с чувством произнося каждое слово умиленных заупокойных молитв о новопреставленном. Я следил за сосредоточенными и серьезными лицами нижних чинов. Я всегда любил изучать их мысли по выражению их бесхитростных лиц. По окончании отпевания с разрешения отца Василия я сказал свое прощальное слово над гробом умершего, после чего попрощался; моему примеру последовали все офицеры и нижние чины, давая «последнее целование представившемуся». Гроб вынесли на руках офицеры и унтер-офицеры роты. Отделение взяло «на караул», понеслись чудные звуки гимна «Коль славен», и процессия тронулась, сопровождаемая полными и чудными звуками

похоронного марша. От церковных ворот вдоль всех казарм были выстроены для отдания последней прощальной почести остальные роты 2-го батальона. Все ходы и выходы были запружены солдатами других батальонов, а также солдатами Сумского и Несвижского полков. Было воскресенье. Был чудный солнечный и безветренный день. Привлеченные звуками массы свободного рабочего люда останавливались, крестились, а многие присоединялись к процессии.

Недели через три в журнале «Витязь»⁷³ эти похороны были описаны «очевидцем». Рассказ этот, дабы не загромождать текста, как его помню, помещен мною в Приложении. С этих пор я установил такой порядок, чтобы в случае смерти гренадера в госпитале шла вся его рота с офицерами, а в случае смерти унтер-офицера тело с разрешения врачей и после надлежащей дезинфекции доставлялось в полковую церковь, откуда после отпевания производились бы похороны со всеми возможными по закону почестями. Вслед за Титовым последовал в царство теней другой прекраснейший унтер-офицер 2-й роты Афанасий Бармин, тот самый Бармин, который 13 января 1910 года в звании гренадера «инструкторской» команды стоял часовым на посту № 2 и по приказу генерала Плеве должен был быть предан суду. Умер он тоже от туберкулеза! Вообще, должен сказать, что больше половины наших гренадер умирало или от легочной чахотки, или от брюшного тифа, и я думаю, что если бы наши нижние чины не были так скучены в казармах, как то бывало, благодаря глубокой недобросовестности господ Гучковых⁷⁴ и им подобных, не дышали бы спертым, испорченным воздухом, отравляемым близостью плохо устроенных отхожих мест, то мы хоронили бы людей вдвое меньше, чем мы хороним. И все эти смерти должны быть на совести алчных представителей городского самоуправления, типа Гучковых и компании, и мелочных и недобросовестных начальников, вроде Плеве, Экка и компании, которые из-за недостатка гражданского мужества не смогли заставить городскую управу выполнить свои обязательства по отношению к государству и армии...

После отпевания я сказал Бармину свое прощальное слово. Когда я его окончил и попрощался с покойником, мне сказали, что у Бармина осталась дома вдова и две девочки. Я объявил об этом стоявшим в церкви, потребовал тарелочку, которую поставил в головах покойника, и положил на сироток монету... через минуту на тарелке было уже 93 рубля, которые мы и отправили вдове. Так с каждым днем крепла наша моральная связь между офицером и солдатом. Описанные мною случаи для постороннего человека могли бы показаться излишней возней с разлагавшимся телом, но тела этих бедных скромных солдат разлагались, но на них строилась по каплям крепость полка. В полковой жизни нет мелочей, все важно, и надо было видеть, как к этому относились унтер-офицеры полка.

За мое командование в полку умер один из наших надежнейших столпов, фельдфебель 16-й роты, подпрапорщик Алексей Иванович Лизгунов, тот самый, который ездил в составе нашей депутации в Варшаву, в лейб-гвардии Кексгольмский полк. В 1911 году Лизгунов начал болеть горлом, вскоре потерял голос. У него был определен рак гортани. Благодаря связям его ротного командира, милейшего Александра Васильевича Люби, Лизгунова лечил бесплатно в своей лечебнице на Спиридоновке известный профессор Постников. Но никакое лечение помочь не могло, вскоре Лизгунов потерял голос совершенно и изъяснялся или знаками, или писал на бумажке свои пожелания. Честь Люби — он посещал его очень часто. Когда после операции положение стало безнадежным, Лизгунова перевели в военный госпиталь, где он и скончался.

Дело было летом, когда полк был в лагере. Мне удалось получить тело в лагерь. Отпевание проходило в лагерном храме. Господа офицеры, желая чем-нибудь оказать особое внимание своему заслуженному фельдфебелю, постановили похоронить его на Ваганьковском кладбище среди офицерских могил, в нашем перновском углу и возложить на гроб большой венок. По окончании отпевания гроб вынесли офицеры, и до кладбища, версты три, несли все время на руках подпрапорщички и унтер-офицеры. Впереди, как на офицерских похоронах, унтер-офицеры

несли ордена покойного. За гробом шел я, господа офицеры, хор музыки, установленная полурота с ружьями, вся 16-я рота, а также все подпрапорщики и унтер-офицеры полка. Весь полк высыпал на переднюю линейку, мимо которой несли покойного, высыпали на свои линейки и ростовцы, и екатеринославцы. Так понемногу крепла духовная связь между составом офицеров и нижними чинами полка, и с каждым днем поднималось в полку звание унтер-офицера...

Поднимая всяческими способами подготовку и престиж унтер-офицеров, я с каждым днем облегчал офицерскую работу, в том числе и свою, и могу сказать, что к третьему году командования нам мало приходилось работать в этом направлении: и подпрапорщики, и унтер-офицеры, подхлестываемые чувством самолюбия и сознанием собственного достоинства, «лезли из кожи», с них же невольно брали пример рядовые, и, если вам угодно поверить, у нас с каждым днем уменьшались случаи наложения дисциплинарных взысканий, а я с обществом офицеров имел возможность расширить свою деятельность и обратить наше внимание в другую сторону. Но об этом после...

Из мира погребального в моей памяти остались навсегда похороны трех солдат-самоубийц! Как же это может быть, спросит читатель, чтобы в полку, где столько внимания было уделено на солдат, на единение с ними, были случаи самоубийств солдат: ведь эти случаи бывали только в частях, где солдат сильно прижимали, где им круто приходилось, и где они не могли нигде и ни на чем отвести свою душу? Это совершенно верно. Но предоставим самим фактам судить нас и оправдывать.

ГЛАВ XIII

Три смерти

Во время второй половины моего командования полком у меня в полку было три случая самоубийств нижних чинов. Весной 1911 года за месяц до выступления в лагерь, желая по всем отраслям полковой жизни доводить даже мелочи нашей обстановки до некоего подобия совершенства, я отправил в лагерь команду плотников, столяров, маляров и прочих мастеровых, до 120 человек под командой прапорщика Виноградова. Каждой роте был открыт небольшой кредит на различные работы в своей роте. Первая моя вина заключалась в том, что я много требовал, а денег отпустил мало. Старшим в команде от 5-й роты был тот прекраснейший ефрейтор Петр Лосяков, который был выводным во время суда над унтер-офицером Ал. Гейко, и которого я в тот же день произвел в ефрейторы. Фельдфебель Шепилов, приехав в роту смотреть работу, нашел неисправности, недочеты и, чтобы их исправить, приказал Лосякову «добыть», где он хочет, две доски. А денег больше не было. Возле барака вольноопределяющихся лежала гора купленных ими досок. Лосяков по непонятной причине поддался искушению и ночью «взял» из этой кучи две доски и перенес их в роту.

Он был уличен в краже. Прапорщик Виноградов призвал его и «разнес», начав сам производить дознание по свежим следам, чтобы установить факт воровства и вора. Лосяков целый день маялся по лагерю, не мог работать и единственное, что он сказал товарищам, что он не допустит, чтобы он, ефрейтор Лосяков, мог предстать перед судом и осрамить так Перновский полк и мундир. Вечером он самовольно ушел из лагеря. Рано утром, на следующий день (дело было в апреле, на Фоминой неделе), мне по телефону доложили из канцелярии, что у нас в лагере случилось какое-то несчастье: на рассвете, на железнодорожной линии Круго-Московской железной дороги найдено тело раздавленного поездом перновского гренадера.

Я тотчас приказал запрячь экипаж и помчался в лагерь, а оттуда с прапорщиком Виноградовым на железнодорожную насыпь, где прикрытые шинелью лежали останки перновского ефрейтора. Этот ефрейтор был Петр Лосяков! Я тотчас вернулся в лагерь и приказал по телефону в город полковому адъютанту добиться поскорее разрешения следственных властей убрать тело, дабы оно не начало разлагаться, назначил дознание у себя в полку. Ничего нового дознание не выяснило. Трогательно было, что Лосяков, решив умереть, позаботился, как и Федотовских, о казенных вещах, чтобы их не портить: он снял шинель и мундир, аккуратно сложил эти вещи на бревне железнодорожного полотна, сверху положил бескозырку и лег под проходивший поезд! Сделав все распоряжения, я вернулся в город. Здесь меня ожидал с докладом разволнованный командир 5-й роты капитан Шейко, который дрожащей рукой и со слезами на глазах подал мне распечатанное письмо в конверте. Конверт и бумага были из нашей солдатской лавочки. На конверте типичным солдатским почерком был написан адрес: письмо было адресовано в полк на имя командира 5-й роты капитана Шейко. На конверте была наклеена городская марка, почтовый штемпель был Пресненского почтового отделения, что обозначало, что письмо было опущено в ящик прошлой ночью где-то в Пресненском участке. В письме было написано, приблизительно,

следующее: «Ваше Высокоблагородие, простите меня, Вашего неразумного гренадера, простите за мой проступок, что я сделал, еще прошу прощения у всего нашего начальства, что я так плохо сделал для Перновского полка, я очень мучаюсь, сил у меня больше нету, я не могу больше жить, и я пойду умирать под железными колесами тяжелого паровоза. Еще раз простите меня за все беспокойство, что я Вам причинил. Ваш гренадер Петр Лосяков». Мы оба прослезились над этим трогательнейшим письмом. Бедный Лосяков, как он перемучился, пока решил умереть и написать это письмо.

Подписав все полагающиеся в этом случае бумаги и донесения, начиная с рапорта на высочайшее имя, я доложил об этом деле начальнику дивизии и просил решения его превосходительства забыть Лосякову его грех и похоронить его по христианскому обряду...

— Что вы, что вы! — ответил мне начальник дивизии. — «Собаке собачья смерть» — говорит русская поговорка, разве можно всякого проходимца-самоубийцу хоронить как христианина, никто не согласится его хоронить!

Я озлился и решил поставить на своем. Велел подать себе экипаж и поехал в монастырь (не то Андрониев, не то Донской), где проживал друг нашего полка, преосвященный Анастасий, дабы просить у него наставления и совета, как сделать, к кому обратиться, чтобы не лишать бедного Лосякова христианских похорон.

Епископ Анастасий принял меня очень ласково, угостил очень вкусным чаем, но не сразу согласился помочь мне, говоря, что самоубийство слишком большой грех и что православная церковь лишает самоубийц похорон, дабы этим удерживать от греха простой народ и т. д. Но, в конце концов, преосвященный согласился. Он предложил мне лист бумаги и чернила и потребовал, чтобы я в кратких чертах изложил обстоятельства дела и те духовные причины, которые побуждают меня ходатайствовать о самоубийце. Я написал, и преосвященнейший Анастасий на полях этой же бумаги положил свое пастырское разрешение.

Отблагодарив пастыря, я возвратился домой. Все формальности были закончены дней через пять. Военских почестей, то есть вооруженную команду и музыку я не назначал, но отправился в госпитальную часовню со всей 5-й ротой. Тело Лосякова было сложено, одето. Оно не очень разложилось. Лицо сохранилось хорошо. После отпевания мы его взяли на плечи и до самой могилы несли на руках. Кроме меня и офицеров 5-й роты было еще человек пять офицеров других рот. Я шел за гробом. Всю дорогу вся рота пела «Христос Воскресе из мертвых». Так опустили мы в могилу тело одного из прекраснейших ефрейторов Перновского полка.

Другой случай не имел под собою подобной подкладки — порыва высоко благородной души, не желавшей позориться перед судом, а был самый банальный случай самоубийства вследствие неудачной любви к девушке. По призыву 1910 года прибыл среди других в полк новобранец Алек[сей] Игнатов и был зачислен в 15-ю роту. С первых же дней обучения он проявил такие недюжинные способности, что представлял собой кандидата в учебную команду, но такое назначение пришлось отставить, уж слишком он был шустрый, являлось подозрение, уж не подложный ли этот новобранец. В учебную команду я его не назначил, но согласился на просьбы полкового адъютанта и дал ему Игнатова в качестве писарского ученика. Это назначение устраивало обе стороны: адъютант получил делового, талантливого работника, а Игнатов получил возможность уволиться в город «до поздних часов», чего он не мог делать, будучи в команде новобранцев. Жил Игнатов в команде писарей, числясь в списках 15-й роты. Я обратил на него внимание в первый же командный праздник 6 декабря. После разных тостов адъютант испросил моего разрешения одному из молодых писарей Игнатову сказать слово. Я разрешил. Игнатов встал и сказал столь красноречивое и отличное слово, что я запомнил и его фамилию, и его лицо.

Как-то зимой, в конце 1911 года, вечером звонит мне по телефону дежурный по полку, что из 2-го Пресненского участка ему сообщили, что только что легковой извозчик,

номер такой-то, привез к ним в участок какого-то человека, находящегося в бессознательном состоянии, в форме Перновского полка, в собственной шинели и в собственной фуражке, на которой написано «А. Игнатов». Полиция просит сообщить, есть ли в полку подобный солдат, и немедленно прислать в участок двух нижних чинов для опознания доставленного человека. Я тотчас передал дежурному, что таковой гренадер имеется в 15-й роте, чтобы он сейчас же послал туда понятых, а сам позвонил в участок, сказав, что командир полка просит ускорить все формальности и в случае смерти солдата отправить его тело в Московский военный госпиталь. Пока я это говорил, бедный Игнатов уже скончался.

По произведенному дознанию мне было доложено на другой день его драма: Алексей Игнатов, бывая в городе, влюбился в девушку, портниху, честного и строгого поведения. Ее отец был человек бедный, но строгих нравственных правил. Игнатов сделал девушке предложение, она согласилась, но ее отец отказал и даже запретил молодым людям видеться. В роковой день Игнатов, добыв бутылочку с карболовой кислотой⁷⁵, пошел объясняться в последний раз. Получив окончательный отказ, он нанял легкового извозчика и приказал везти себя в Хамовники, в Перновский полк. Проехав некоторое расстояние, Игнатов раскупорил бутылочку и на ходу стал пить, причем облил себе подбородок. Он думал, что у него хватит сил, чтобы доехать до полка. Но он ошибся. Уже против Пресненского участка он начал корчиться и впал в беспамятство. Извозчик и подвез его к участку и вызвал помощь. Прибывший врач уже не мог спасти его, и он умер в участке, не приходя в сознание. Я пожалел Игнатова, но самоубийство по делам романтики не могло вызвать во мне такого чувства, как вызвала смерть Лосякова: у Лосякова было что-то красивое, в высшей степени этическое, смерть же Игнатова была, может, и красива с эстетической точки зрения, но малодушна. Что это за воин, что ради портнихи травится?.. И поэтому, помянув его на первой же обедне, я не возбуждал ходатайства о его погребении по христианскому обряду, а представил госпиталю

распорядиться по своему усмотрению. Я даже не назначил на похороны ни 15-ю роту, ни команду, а только 6 человек с лопатами. Похороны состоялись тоже дней через пять. Большинство писарей попросило разрешения отправиться на похороны. Я разрешил.

На следующее утро я, взяв с собой полкового адъютанта, и сам поехал в госпитальную часовню... и что же я там увидел: гроб Игнатова утопал в венках и живых цветах. Он почти не разложился, лицо не испортилось, только в уголках губ были видны следы потеков серной кислоты. В часовне было неведомое мне духовенство и несколько певчих, в курильнице курился ладан. Распоряжались какие-то штатские. Я спросил, что это значит и когда начнется отпевание? Мне объяснили, что товарищи Игнатова *по сцене*, узнав о его трагической смерти, собрались всей труппой, выхлопотали у духовных властей разрешение по христианскому установлению, и, как только они съедутся, сейчас же начнется отпевание. Таким образом, выходило, что мы с адъютантом и моими писарями были здесь не хозяевами, а гостями. Через несколько минут начали подъезжать экипажи и сани, и в часовне собрались его товарищи: несколько мужчин и три-четыре артистки. Я давно не видел таких красивых, интересных и изящных женщин. Как подобранные, все высокого роста, тонкие, гибкие, в отличных платьях, в огромных черных шляпах. Таких рисуют только на картинах. Одна из них молодая, лет 22–23, привезла еще живых цветов и дрожащими руками раскладывала по покойнику, затем она зарыдала, и ее отнесли в сторону. Началось отпевание. Красивая актриса несколько раз подходила к гробу. Она еще раз разрыдалась. Вся труппа, и мужчины, и женщины, пошла провожать покойника до могилы, так же, как и наши писари с адъютантом, а я проводил до угла, затем сел в экипаж и уехал домой. Если в смерти Лосякова была этика, то здесь была эстетика.

Через несколько дней наш адъютант со слов писарей, а может быть, и артистов, а также приехавшего какого-то родственника, рассказал мне дополнительно несколько страниц из жизни этого талантливого авантюриста. В раз-

гар революционного движения 1905–1906 годов, кажется, в Воронеже, Игнатов, возмущенный действиями революционеров и подпольных деятелей, будучи мальчиком 16–17 лет, предложил свои услуги местному охранному отделению. Его определили наборщиком в типографию, бывшую под подозрением. Работая в типографии, юноша представлялся крайне левым и вскоре был поставлен на ночную нелегальную работу. Выведав все, что ему надо было знать, Игнатов выдал типографию жандармам. Ночью, в разгар работы, все участники, в том числе и Игнатов, были схвачены и посажены в тюрьму. В тюрьме Игнатов провел около четырех месяцев, продолжая разведку в нужном направлении. Через четыре месяца он был освобожден и, боясь мести, скрылся в Москву, где вскоре поступил в драматическую труппу, где его ценили за его недюжинный талант. Когда подошло время отбывать воинскую повинность, он сумел так устроиться, что попал к нам в полк. Нес ли у нас в полку Игнатов обязанности агента охраны, этого я не знаю, но никаких данных к этому у меня не имеется. Будучи в полку, он вел себя во всех отношениях отлично и, попав в команду писарей, получал безотказно от полкового адъютанта увольнение до поздних часов. Во время этих отлучек он участвовал со своей труппой в репетициях и спектаклях, считался талантливым артистом и покорила сердце одной из товарок на сцене, а сам покорила простой невинной девушкой и погиб.

Третья смерть произошла не на моих глазах, а в то время, когда я находился в Петербурге у постели моего умирающего отца. В конце 1910 года в полк прибыл новобранец-поляк Альфонс Риддель, попавший по разбивке в 6-ю роту. Риддель оказался новобранцем прекрасным, смысленным, старательным, хорошо грамотным. Прямой кандидат на унтер-офицера. Не помню почему, но командир роты не представил его в учебную команду; Риддель остался в роте и в свободное время посещал занятия в музыкантской команде, готовясь быть музыкантом. С осени 1912 года в Москве начались юбилейные торжества 1912–1913 годов⁷⁶. В Москве на продолжительное

время ожидался дорогой гость — государь со своей свитой, почему уже с весны 1912 года Московское охранное отделение принимало все меры, чтобы выловить опасный элемент. Каким-то образом получили они сведения о нахождении в Москве, в 6-й роте Перновского полка, опасного партийного работника Ридделя, находившегося даже в непосредственной переписке с Розой Люксембург⁷⁷.

Как-то в один прекрасный или не прекрасный день 6-я рота была в полковом и бригадном порядке. Риддель был в бригадном карауле, часовым на посту [у склада] огнестрельных припасов. В это время в роту явились чины охранного отделения для производства обыска у рядового Альфонса Ридделя и для его арестования. Были приглашены понятые. При обыске почти ничего не нашли, кроме одного письма Розы Люксембург. Сейчас же было написано постановление об его арестовании. Как только начался обыск, кто-то из солдатиков побежал на гауптвахту и предупредил там, что у Ридделя «жандармы сундук обыскивают». По окончании формальностей в караул вместо Ридделя был назначен другой гренадер, и было назначено два конвойных для отвоза арестованного Ридделя по назначению. Караульному начальнику было отдано письменное приказание дежурным по полку о замене арестуемого. По занесению присланного гренадера в постовую ведомость вся группа с разводящим пошла к складу огнестрельных припасов, где Риддель в это время стоял часовым. Когда пришли на пост, то Ридделя там больше не было: на земле лежало его бездыханное тело, винтовка без штыка валялась тут же. Он застрелился. Кто-то успел его предупредить об обыске. Очевидно, он видел группу людей с жандармами и дежурным по полку, шедших в помещение гауптвахты и решил умереть! У него в руке найдена была наскоро написанная карандашом записка, в которой было сказано, что он надеялся честно прослужить в полку, хотел бросить прежние связи, но его прошлое открылось, он не желает бросать тень на родной полк. Прося у нас прощение, он уходит. Под запиской была его подпись. Его не хоронили, тело после

вскрытия в военном госпитале было доставлено на кладбище, где закопано «без церковного пения, без ладана, без всего, чем могила крепка». Когда я возвратился в полк и мне рассказали о трагической кончине Ридделя, мне очень стало жаль этого «бывшего революционера», становившегося уже «настоящим перновцем», что он и доказал своей смертью!!!

ГЛАВА XVII

Летние занятия

После присяги молодых полк начинал готовиться к выходу в лагерь, куда мы выступали во второй половине апреля. Одиночные занятия уступили место шереножным и взводным учениям, подготавливаясь к ротным учениям, которые начинались немедленно по выходу полка в лагерь и продолжались до конца июня. С первого же дня выступления в лагерь начиналось прохождение курса стрельбы. Ни полки, ни дивизии в Москве своих стрельбищ не имели: стрельбище было одно общее для всего лагерного сбора. На нем проходили курс стрельбы Александровское и Алексеевское пехотные и Тверское кавалерийское военные училища, и десять гренадерских полков. Штаб лагерного сбора заведовал стрельбищем и распределял его между полками. В конце июня начинались смотры ротных учений. На этот отдел образования я обращал большое внимание и каждый день выезжал верхом на новые участки, где учились мои роты. Мне важно было обучение рот довести до «полировки». Раз роты сколочены и обучены, дальнейшее обучение идет само собой.

После полкового праздника (29 июня) начинался период батальонных учений. Я пользовался этим време-

нем и каждый год уезжал на неделю в отпуск. Возвращался я к периоду полковых учений, который я очень любил. Особенно я любил полковые учения по полковому составу, когда из всей 1-й дивизии составлялся один полк состава военного времени. Все командиры полков назначались по очереди для производства одного учения с полком по военному составу. Летом 1910 года мне посчастливилось командовать полком по военному составу с батареей 1-й артиллерийской бригады и с эскадроном конницы. Этот сводный отряд был двинут в Павловскую Слободу⁹³, где имелся артиллерийский полигон, и на меня было возложено решение задач боевой стрельбы. Учение это производилось в присутствии начальника дивизии, командира корпуса и почти всех отдельных начальников нашего сбора. Некоторые задачи, возможные для разрешения в военное время, как, например, стрельба через головы своей пехоты, на всякие расстояния, конечно, были невыполнимы в мирное время, ибо случайный, преждевременный разрыв шрапнели или вполне возможная ошибка в установке трубки могли стоить человеческих жизней. Вот почему на некоторые из заданных мне задач я «искажал», прекращая стрельбу батарей в те моменты, когда, по мнению начальства, она должна была стрелять, возможно, интенсивней. Точно так же мне пришлось преждевременно остановить огонь правофланговой роты второго батальона, когда левофланговые роты 1-го батальона немного увлеклись быстротой наступления, попав в кустарники, потеряв первоначальное направление, начали поддаваться влево и могли попасть под ружейный огонь рот 2-го батальона. Вот эти «искажения» были мне на разборе поставлены в укор высшим начальством, но я даже не возражал. Все задачи все-таки были решены, получил я с полком отметки крестиками, и с пением и музыкой мы возвратились вечером в Павловскую Слободу, а на другой день в Москве в средних числах июля начинались малые отрядные маневры.

Эти маневры я очень любил, ибо занятия эти находил поучительными и интересными. Единственно, что было обидно — теснота участков так, что бывали даже случаи

прекращения действий двух пар отрядов. Теснота стрельбищ и полигонов, теснота наших участков для занятий заставляли меня всегда задумываться над тем вопросом: неужели в России нет возможности разрешить этот вопрос более удачно? Если у нас не хватало земли для лагерных участков и стрельбищ, то как же эти вопросы разрешались в Германии и во Франции? Но с этим вопросом мне познакомиться не удалось. На малые маневры командир полка каждый раз выезжать не приходилось. Командир полка выезжал только в том случае, если он назначался начальником маневра или посредником, или когда на маневры выходил весь полк. Бывали люди, даже военные, которые не любили и даже ненавидели маневры. Что за удовольствие в осеннее время по окончании лагерных сборов, когда начинались осенние дожди и непогода, вместо того чтобы сидеть в городе, в чистой и уютной квартире, читать хорошую книгу, обедать в комфорте в большой столовой, где прекрасно одетая горничная вам искусно подает за столом тонкие и вкусные блюда, вечером же поехать в оперу или оперетку, вы должны месить грязь большими тяжелыми сапогами, потом, почему-то, стоять под дождем «в резерве», потом начинать, как сумасшедший, бегать по размокшей пахоте и, почему-то, даже иногда ложиться прямо в грязь, потом, имея в 50 шагах левее себя прекрасный мостик, идти по пояс вброд через реку, потому что какой-то чудаки вздумал прибить у мостика записку, что сей мостик в таком-то часу взорван таким-то разъездом, потом опять бежать по пахоте, кричать «ура»... затем грязный, промокший до костей выслушивать замечания начальства, после чего идти на ночлег в чью-то неизвестную рощу, спать на сырой соломе, когда в полуверсте от рощи такие же люди, как и вы, сидят на балконе красной дачи и лакей подает им ужин...

Вспоминаю, как в 1888 году лейб-гвардии Семеновский полк участвовал в больших маневрах в высочайшем присутствии. Ходили мы, ходили, промокали каждый день до костей, атаковали рощи, бегали по грязной, унавоженной пахоте, ходили по мокрому кустарнику, и, наконец, мокрые, грязные, голодные добрели до большого

поля под Гатчиной, около Егерской Слободки, где полк начал располагаться бивуаком. Денщики ставили нам наши офицерские походные палатки, а в стороне прислуга офицерского собрания устанавливала большой шатер. Дождь уже прекратился, выглянуло солнышко, и наши денщики и прислуга, не участвовавшие в маневре, не мокшие под дождем, сухие, чистенькие, в белоснежных рубашках приготавливали для господ офицеров, грязных, как трубочисты или землекопы, офицерскую столовую с белоснежными скатертями, салфетками, серебром и т. д. То есть сидели мы в сторонке на пнях, курили и беседовали, и хохотали как помешанные. Милейший и всеми любимый наш товарищ Сергей Николаевич Миллер с совершенно серьезным лицом рассказывал нам, что во времена его детства у его родителей был один знакомый богатый и премиальный человек, который сошел с ума и его пришлось посадить в сумасшедший дом.

— Представьте себе, — рассказывал Миллер, — что этот господин пошел к Березовскому⁹⁴, накупил воинских уставов, начал их изучать, нанял к себе лакея, повара и кухера из бывших солдат, по утрам делал с ними гимнастику, затем маршировал с ними по квартире. Когда же начались осенние дожди, он купил себе повозку с лошадкой, палатку, походную кровать и посуду, взял с собой своих трех денщиков и отправился с ними в поход. Повозочка ехала по дороге, денщики сидели большей частью в повозке, в непромокаемых накидках, а он, встав рано утром, шел около повозки, затем кидался в мокрые кусты, затем бегал взад и вперед по мокрой пахоте, садился и даже ложился в мокрые канавы, ползал по мокрой траве и в грязи. Когда на пути встречались канавы и речонки, повозка преспокойно ехала через мост, а он кидался в воду и переходил речку вброд. К вечеру усталый, грязный, мокрый, голодный он располагался со своими тремя денщиками в какой-нибудь роще, они ставили палатку; денщик его переодевал, повар на жаровне готовил походный ужин, после которого он ложился спать. На следующий день — то же самое. Так родственники его поймали и запрятали в сумасшедший дом! Вот я иногда, когда бегаю по грязной

пахоте и кричу «ура» в мокрых кустах, боюсь, как бы кто-нибудь, когда мы придем с маневров в Петербург, не посадил нас всех в сумасшедший дом! Нет, господа, вы только подумайте! Представьте себе, чтобы вы наняли себе лакея с большим жалованьем, рублей на 25 в месяц, и с началом дождей начали бы посылать его из вашего имения пешком с записками к вашим соседям, живущим от вас в 25–30 верстах: «Вот, мой милый, отнесите эту записку непременно пешком в село Купчиновку, моему другу Купчинову, а завтра возвращайтесь домой тоже пешком, а послезавтра я вас пошлю с запиской в Троицкое». Пожелал бы этот лакей продолжать у вас службу?

Представляя в карикатурном виде нашу службу для смеха, Сергей Николаевич был примерным и исполнительнейшим офицером. Я же с наслаждением отправлялся на каждый маневр и при всякой погоде.

На манер миллеровского сумасшедшего я купил себе в Петербурге чуждую и просторную палатку, которую таскал всюду с собой. В ней помещались походная кровать моя и моего адъютанта, огромный стол, на котором мы с ним занимались, а затем, по окончании занятий, он накрывался скатертью: на нем появлялись бутылки с согревательной влагой, тарелки с разными закусками, пирожки, яйца, ветчина, на краю стола шипел самовар, и вся моя палатка набивалась «до отказа» моими офицерами. Очень часто в темную, осеннюю ночь, когда на дворе злилась непогода и «сыпал» дождь, в моей палатке было и тепло, и уютно. Дружеская беседа продолжалась далеко за полночь, связывая нас узами дружбы. Когда же на маневры выходил весь полк, то с нами ездил собранский шатер и офицерская кухня. Хотя собранский шатер был несравненно просторнее и удобнее, чем «хижина командира полка», но у меня в палатке было уютнее благодаря шипящему самовару. Те люди, которые не испытывали лишения военного времени и военной службы, не могут понять, какое это неопишное наслаждение, доведенное до предела физическое переутомление человека, законченное заслуженным отдыхом. Человек невоенный, городской житель с некоторыми средствами: коммерсант, чиновник, интел-

лигент, они даже понятия не могут иметь о том неизменном усилении ощущения радости бытия, которое создается сильным контрастом между утомлением и отдыхом, голодом и принятием пищи, холодом и теплом, чувством промокания до костей и сухой постелью!

Два часа ночи. Полк крепко спит на бивуаке. Вы сладко спите в вашей палатке, по которой тарахтит осенний дождичек. На дворе мокро, грязно, темно, холодно, в палатке тепло, светло, уютно. Вас будит адъютант и докладывает, что получено приказание начальника дивизии: к реке Смедве приближается колонна неприятеля. Приказано немедленно поднять полк, идти к таким-то переправам на реке Смедве, в 12 верстах от места бивуака, и к рассвету таковые занять. Вы спешно одеваетесь. Вокруг вас раздается шум разбуженного полка, который впотьмах под непрекращающимся дождем встает, одевается, снимает и скатывает в полном мраке палатки. Одевшись, вы выходите на дождь. Вы ничего не видите. Оседланные лошади стоят уже около вашей палатки. Вы по голосу вестовых стараетесь [понять], как вам подойти к вашей лошади. Впотьмах, ощупью вы находите стремя, разбираете мокрые поводья и садитесь в седло. Проходят добрых две минуты, пока ваш глаз начинает привыкать к распознаванию кое-каких силуэтов в темноте.

— Что, братцы, темновато? — спрашиваете вы вестовых, чтобы начать разговоры.

— Так точно, ваше высокоблагородие, очень темно!

— А вы, братцы, что-нибудь видите?

— Мало чего видать, ваше высокоблагородие!

— А на дорогу выедем?

— Выедем, ваше высокоблагородие.

После этого разговора мы с осторожностью трогаемся. Впереди едет самый зрячий и ловкий разведчик, за ним идет моя лошадь, за ней адъютант и т. д. По выезде на дорогу чувствуешь себя немного легче, ибо чернеет, извиваясь между сжатых полей. За нами выходит 1-я рота, 2-я и вытягивается весь полк. Вперед выходят офицеры. Впотьмах в полголоса идет разъяснение задачи. Тотчас выходят головные и боковые отряды. Трогается авангард,

разматывая цепочку. Через четверть часа после авангарда трогается первый батальон, за ним, шлепая по колеям, погромыхивает приданная нам батарея, дальше тянется весь полк. Идем час. Дождь не перестает. Озноб пронизывает все тело. Малый привал. Трогаемся дальше. Перед рассветом дождь стихает, но делается как-то особенно темно. Люди идут молча. Начинает светать. К рассвету вы занимаете назначенные переправы. С 8 часов утра начинается бой. Приходится спешиться и отправить лошадей назад. Полк переходит в наступление. Приходится в промокшей, тяжелой одежде, с пудами грязи, налипшей на каждой ноге, наступать и атаковать. С 9 утра начинается ветер и крупный дождь. В 12 часов дня маневр оканчивается занятием рожи.

После разбора маневра, около 2 часов дня вы получаете приказание вести полк на ночлег, верст за 12. Поднимаются из канав голодные, мокрые, усталые роты и вытягиваются длинной темно-серой мокрой змеей по извилистому проселку. Утомление очень большое, чувство голода гложет кишки. Наконец к 3 часам дня вы достигаете желанной цели, вы входите в назначенное вам для ночлега село, где на площади уже стоят походные кухни: из них валит дым, из-под крышек вырывается пар, пахнет вкусными щами! Таких вкусных щей и цари никогда не едали! Полк подымает голову, веселей задираются кверху штыки, гремит полковая музыка, и 1-я рота, как ни в чем не бывало, отбивая по грязи ногу, как на параде, относит в отведенную мне избу знамя. Роты расходятся по квартирам, выставляются дневальные, играют рожки на обед...

Я не могу войти в отведенную мне чистую крестьянскую избу, ибо, как я, так и моя свита слишком грязны. В прихожей мы раздеваемся, денщики подадут нам чистые сапоги или вытирают наши серыми тряпками. Вы входите в чистую горницу. Стол накрыт чистой скатертью. Поставлены водки и закуски. На конце стола шипит самовар. Наши денщики, прибыв раньше нас, все приготовили к нашему приходу. Раздобыли где-то утюги и разгладили все постельное и носильное белье. Вы переодевае-

тесь не только в сухое, но даже и теплое! Вот тут и надо спросить читателя: знаете ли вы, какое это наслаждение — после того что вы мокли и зябли 15 часов подряд, были грязны — одеть на себя все чистое, сухое и быть в чистой, сухой и теплой комнате? А на дворе снова идет дождь. С моими офицерами мы выпиваем по одной, по две рюмки водки и закусьваем. Водка сразу идет по всем артериям и венам, и вы чувствуете ее во всем вашем теле, под кожей делается тепло. Каждый пирожок, холодная котлета, бутерброд, который вы берете в рот, так вкусен, что вы можете думать, что эти закуски приготовлены собственноручно самым лучшим поваром самого богатого на свете сказочного короля!

Кто на военной службе не испытывал подобных лишений, тот этой кухни не кушал. Затем нам подадут стакан горячего, крепкого, душистого, сладкого чая с добрым количеством свежих деревенских сливок. А к нему — краюху свежайшего деревенского хлеба с поцелуй-коркой, измазанного свежим деревенским маслом. Никакие графы, светлейшие князья, бароны никогда в жизни такого вкусного чая не пили и такого ароматного хлеба и масла никогда не вкушали! И вся эта «королевская» трапеза — в кругу симпатичных вам ваших сотрудников! И после этого мне кто-нибудь скажет, что на больших маневрах нет наслаждений! После этого вы ложитесь не в мокрые кусты, не в грязь, не в канаву, а в сухую теплую постель; ваши вестовые вас заботливо раздевают, как когда-то раздевала вас добрая нянька, когда вы были ребенком; уложат, укроют, и под говор допивающих тут же чай ваших офицеров вы засыпаете мертвым, здоровым, животворящим сном! Испытывали ли когда-нибудь подобный сладкий сон министры, банкиры, миллионеры?

На малые маневры высшее начальство приезжало не особенно часто. Чаще всех, конечно, бывал начальник дивизии генерал Осипов, реже — командир корпуса, еще реже — командующий войсками. По окончанию учения, после сигнала «отбоя» и «сбора» начальников, начальство производило разбор учения и делало замечания. Так как в простых и прямолинейных задачах для

роты, для батальона никакой особой мудрости, кроме знания уставов, и не требовалось, то, конечно, трудно было выдумать даже замечания; но начальство считало своим долгом непременно что-нибудь заметить: как бы идеально вы ни атаковали назначенную вам роту, обязательно вам придется выслушать замечания, подчас самые неожиданные. У нас на левом фланге Ходынского лагеря была единственная рота — Всесвятская. Все роты всех полков ежегодно ее атаковали, но, тем не менее, получали замечания. Был у нас в полку, еще до меня, один ротный командир-остряк, который о самом себе говорил: «Какой это глупый народ — ротные командиры — 25 лет каждый год по несколько раз берут Всесвятскую роту и никак не могут научиться атаковать роты!».

Начальник дивизии как человек умный почти никогда замечаний натянутых не делал, а если он и делал замечание, то каждый раз переходил на «внутреннюю связь» — это был его «конек». У Плеве был «конек» — надо не надо переходить в контратаку и в наступление, а другой «конек» — ловля при разборе начальников, не скажет ли кто-нибудь слова «отряд». Произнести это слово как на сообщении в штабе округа, так и на маневрах считалось преступлением. Генерал Плеве находил, что войну в Манчжурии проиграли исключительно из-за того, что генерал Куропаткин имел губительную привычку «формировать отряды», поэтому слово «отряд» Плеве категорически запрещал. Хотя фактически отряды и формировались каждый день, но писать и говорить слово «отряд» воспрещалось. В селе Троицкое собирается отряд: два батальона гренадерского полка, батарея такой-то бригады и полуроты Тверского кавалерийского училища под общим начальством полковника Маркова. Прежде, при разборе, для краткости говорилось и писалось «Троицкий отряд» или отряд полковника Маркова. Теперь слово отряд было изгнано из употребления и приходилось говорить так: «2-й батальон такого-то полка с приданными к нему батареями и полуротами!».

Иногда и гром, и молния. Каждый раз генерал Плеве злился и каждый раз повторял свое несомненное открытие, что кампанию в Манчжурии мы проиграли вследствие формирования отрядов и что и на будущее время всякий начальник, который будет формировать отряды, будет обречен на проигранное сражение. Слушал я эти замечания нашего начальника, поражался его ограниченности и всегда вспоминал, как, приняв Николаевское кавалерийское училище⁹⁵ и желая искоренить традиции этого училища, Плеве преследовал ношение юнкерами собственных сапог и при встрече юнкера или осмотре юнкеров он главное свое внимание обращал на сапоги! Удивительно, кто выдвигал этого чиновника «в шорах и наглазниках»!

Но где особенно отличались наши старшие начальники — это на больших маневрах! В 1910 году лагерные сборы окончились маневрами Гренадерского корпуса. В 1911 году большие маневры — в более широком масштабе: сначала по выступлению из Москвы два маневра было разыграно по заданиям и под руководством начальников дивизий, здесь лукавых мудрствований не было. Затем маневры разыгрывались по заданиям штаба корпуса, который умудрился напутать и съел одну дневку. По достижении города Каширы весь Гренадерский корпус соединился, и начался большой пятидневный маневр под руководством самого командующего войсками округа генерала Плеве, в каком-то маневре войска Гренадерского корпуса столкнулись с войсками XVII армейского корпуса! В этом маневре генерал Плеве выказал свою полную неспособность в деле организации двухсторонних учений в крупном масштабе и в руководстве ими. Но об этом на своем месте.

В эту осень ввиду назначения больших маневров и приказа поставить в строй возможно большое число людей мы выступили на маневры не из лагеря, а из казарм. То есть мы сначала вернулись из лагеря на зимние квартиры, перетасили все имущество, ликвидировали все работы и все дела в лагере, и только тогда выступили на маневры. Было чудное утро в конце августа. Полк выстроился впереди «шефского дома», в котором я жил... Загремела

музыка и полк принял знамя. Ровно в 8 часов утра полк тронулся на маневры. Моя семья сидела в детской и смотрела в открытые окна на красивую картину ухода полка. Выступали мы из города по-мирному, без мер охранений и, конечно, с музыкой. Впереди всех бежали три полковые собаки: Барин, Кучер и Мальчик, — за ними ехал командир полка, за ним свита, штаб, горнист, верховые офицеры и команда конных ординарцев, разведчиков и связи. Затем выступал оркестр, а уже затем длинной защитного цвета лентой тянулся полк. Когда голова полка начала проходить мимо моей квартиры, то сидевшие в окне увидели целое представление: из команды конных ординарцев отделился один и подскочил к ехавшему в свите начальнику пулеметной команды и что-то доложил. Штабс-капитан Забелло выслушал доклад, пришпорил лошадь и подъехал к командиру полка с каким-то докладом. Получив указание, штабс-капитан Забелло вернулся к конному разведчику, тот тотчас подъехал к команде, после чего 3 конных ординарца крупной рысью, обгоняя офицеров и командира полка, проскочили вперед. Что было дальше, неизвестно, ибо голова полка прошла и уже тянулся первый батальон. Когда полк прошел и потянулись обозы, то моя семья увидела, как на потной лошади возвращался в казармы один из трех ординарцев, имея под мышкой одну из полковых собак — Мальчика. Оказалось, что когда полк тронулся, конные ординарцы порешили, что Мальчик очень старый и маневров не выдержит, и поручили одному из ординарцев просить разрешения начальства выслать людей ловить Мальчика и отправить его обратно в казармы.

Я всегда любил в нижних чинах их любовь к животным и всегда поощрял таковую. Любовь к животным облагораживает человека. По тому, как извозчик обращается со своей лошадью, можно отчасти судить о его моральных качествах. Мальчик был пойман и отправлен в казармы, где он просидел до нашего возвращения с маневров. Эти три собаки — чистокровные дворняги — проживали при полке, прикомандировавшись к команде конных ординарцев, и большую часть времени проводили во внутреннем дворе. Но когда выходил весь полк, выходила из казарм

музыка, то Барину, Кучеру и Мальчику масса было хлопот и забот. С деловым видом бегали они по плацу, проверяли верность построения каждого батальона, со свирепостью накидывались на каждую постороннюю собаку, которая с недостаточным уважением относилась к их полку, а как только полк трогался, непременно бежали впереди командира полка, как бы указывая ему путь, по которому надлежало вести полк. Я очень любил этих «полковых» собак, и они, по-видимому, это сознавали.

В средних числах февраля 1911 года у нас во внутреннем дворе произошла тревога. С улицы прибежала какая-то собака, на нее накинулись наши собаки, к ним присоединились собаки несвижские и сумские. И произошла свалка. Выскочили солдаты, начался крик и гам. Чужая собака, спасая свою жизнь, укусила ефрейтора Несвижского полка Маслова и еще одного солдата и, посыпаясь градом камней, скрылась. На место происшествия прибежал командир Несвижского полка⁹⁶, который в это время исполнял обязанности командира бригады. Человек он был очень хороший, но мнительный, решил, что убежавшая собака была бешеная, тотчас принял энергичные меры: своих двух солдат отправил в бактериологическую станцию, а всех наших собак приказал уничтожить. Несвижцы и сумцы тотчас убили своих собак камнями, а мои уперлись и заявили, что они доложат начальнику команды, собак переловили и привязали их в помещении команды. Штабс-капитан Забелло прибежал ко мне «с докладом» и просил указаний, каким образом я прикажу уничтожить собак, так как он находит невозможным для солдат убивать собак камнями. В случае этом я остался доволен своими ребятами и сказал Забелло, чтобы он пошел в команду и приказал, чтобы собак не трогали, командир полка придет и сам даст указания. Тем временем моя дочь, большая и искренняя любительница животных, нашла при посредстве телефона изоляционную для укушенных животных станцию, где их выдерживают под наблюдением два месяца, дала мне адрес этой станции и заявила, что она просит собак не стрелять, а за ее счет отправить на эту станцию. Сколько ни будет стоить, она

заплатит. Через час мы наблюдали в окно картинку: ехала повозка пулеметной команды, в ней на сене сидели три полковые собаки и два гренадера, которые придерживали собак, чтобы они не выскочили. В конце июня в лагере сидел я в своем бараке и занимался. Двери на балкон были растворены. Вдруг я услышал, что какие-то собаки бегают по моей квартире. Я вышел в столовую: по пустым комнатам бегали, размахивая пушистыми хвостиками, Кучер и Барин. Они прибежали сделать мне визит по случаю возвращения с собачьего курорта и благодарить за спасение им жизни.

Итак, мы выступили на большие маневры. Выйдя из города, мы остановились, приняли формы похода военного времени, то есть выслали вперед и в стороны установленные меры охранения, и через час по уходу авангарда двинулись с главными силами, в состав которых влилась и батарея 1-й гренадерской артиллерийской бригады. В первый день маневра мы атаковали несвижцев. Маневр разбирал начальник дивизии. Все обошлось благополучно. Помню, на третий день маневров, на рассвете так приморозило, что моя палатка была покрыта инеем, который растаял с первыми лучами восходившего солнца. Я схватил бронхит, целые ночи кашлял и задыхался, но уехать домой не хотел, а остался с полком, вынося подчас сильные страдания, когда чувствовал, что задыхаюсь. День Св. Александра Невского у нас должна была быть дневка, должны были пройти 36 верст и расположиться в предместьях города Каширы, где и была назначена дневка.

Я решил воспользоваться и дать возможность людям помыться в бане и постирать белье. Тотчас отрядил я полковую «одиночку» и отправил вперед энергичного прапорщика Виноградова, которому были даны деньги и было приказано законтрактовать все бани в Кашире. Классные для господ офицеров, а простые для полка. Штаб корпуса об этом не позаботился и получилось, что из четырех полков, расположившихся в Кашире, Перновский полк захватил все бани, а другие не могли помыться. Конечно, это было дело штаба корпуса захватить все

бани, сделать наряды дневные и ночные, и дать возможность помыться всем полкам. Перейдя Оку и поднявшись на крутой берег, наверху которого начинались предместья уездного города Каширы, я приостановил полк, дал людям отдышаться и оправиться, приказал людям вытереть лица и поправить фуражки, одернуться, обтереть сапоги от пыли, и, гремя оркестром, вошел в Каширу, как на параде, отбивая ногу. И стоявшие по сторонам улицы жители никогда не поверили бы, чтобы перед ними проходит полк, прошедший только что 36 верст, из коих 6 последних по сыпучим пескам. На все есть свои сноровки, и войсковые части всегда должны стараться показываться населению своей лучшей стороной медали, и притом — начищенной! Пройдя насквозь Каширу и расположившись по квартирам в юго-восточном предместье города, я сейчас же объявил перед отправлением рот в баню соборный шатер. Многие из господ офицеров, умывшись и переодевшись, пришли в собрание. Здесь мы узнали, что обед не готов и будет лишь через два часа. Тогда я предложил собравшимся офицерам показать населению, дочего перновцы неутомимы, бодры и веселы, пойти со мной погулять в городской сад. Все согласились, и мы веселой кучкой пошли гулять в какое-то жалкое подобие сада, именовавшегося «городским садом». Мы были, оказывается, не первыми. Там уже находился командир 1-го [лейб-гренадерского Екатеринославского] полка со своим адъютантом. Они ухаживали за какой-то гимназисткой. Было человек пять ростовцев, два фанаторийца, несвижцев не было: как помнится, их полк был в авангарде и был выдвинут южнее Каширы. Придя в сад «целой шайкой», как обозвали нас местные гимназистки, мы сели за столики немало «заморить червячка». Более смелые гимназистки, проходя мимо нас тоже табунками, начинали перемигиваться с молодежью и даже разговаривать. В Кашире лет 15 войск не бывало и для каширцев это было событие, давно не виданное.

— Вот офицера гуляют, а нет того, чтобы приказать, чтобы нам музыка немного поиграла, — я сказал молодежи. — Пойдите, господа, поухаживать за каширскими

гимназистками, им, видимо, очень хочется с вами разговаривать. Только будьте скромны, и поручаю вам укорить их в бессердечности, требуя музыку, которая 36 часов шла по песку и все время играла... Если они хотят, разрешаю вам пообещать им музыку завтра от одиннадцати до двенадцати.

Офицеры присоединились к гимназисткам, и скоро от этих молодых групп до нас долетали взрывы дружного и звонкого молодого хохота. Хорошая вещь молодость — хорошо направленная! Погуляв немного с молодыми гимназистками, молодые офицеры должны были с ними расстаться, и мы пошли в шатер обедать. Весело прошел этот обед. Офицеры уже подразнивали друг друга некоторыми *каширскими красавицами*. Особенно сильное впечатление произвели две гимназистки, которых имена были Маруся и Конкордия. Сидя за обедом, я решил доставить молодежи удовольствие. Посоветовавшись со старшим штаб-офицером, милейшим Владимиром Васильевичем Кабановым, я предложил господам офицерам, если они пожелают, завтра вечером устроить «Перновский бал», на который пригласить два старших класса местной женской гимназии с их начальницей и со всеми классными дамами. Вопрос можно решить тут же, когда я уйду, под председательством полковника Кабанова.

После этого, взяв с собой адъютанта, я пошел домой, в избу, мне отведенную, и мы сели за обычную канцелярскую работу. Часов в 9 вечера ко мне в окошко постучали. Явился полковник Кабанов с докладом. Я пригласил его пить чай. За чаем он доложил мне, что общество господ офицеров единогласно постановило устроить предложенный мною бал, на который, по предложению капитана Фриде, пригласить хор Славянского⁹⁷. С каждого офицера, как находящегося в полку, так и отсутствовавшего, было положено вычитать в течение трех месяцев по одному рублю. Таким образом, образовывалась сумма в 230 рублей, за которую в глухой провинции можно было устроить бал потрясающий. На следующее утро мы с полковником Кабановым сели в коляску и поехали в женскую гимназию. Была перемена между первым и вторым уро-

ком, и любопытные гимназистки, как мышки, выглядывали из всех щелей, заинтересованные необыкновенным событием — приездом в гимназию двух офицеров. Мы были приняты начальницей гимназии в учительской комнате, тут же сидело несколько классных дам и учительниц. Представившись начальнице, я заявил, что общество офицеров вверенного мне полка, желая чем-нибудь отметить наше пребывание в Кашире, постановило сегодня вечером устроить танцевальный вечер, на который приглашаются начальница гимназии, весь гимназический персонал и гимназистки двух старших классов. Присутствовавшие дамы так были поражены моим заявлением, что не могли даже сразу понять, в чем дело. Но очень скоро у молодых классных дам заблестели глаза, и они начали переглядываться между собой, очевидно — поняли. Затем я попросил начальницу разрешить нам устроить означенный бал в здании их женской гимназии. Тогда начальница гимназии испугалась и заявила, что у них нет никаких средств ни на устройство вечера, ни на угощение гостей, ни на уборку комнат и т. д. И мне пришлось объяснить, что им надо только согласиться, что все, что надо, мы сделаем, уберем, вычистим, украсим, доставим посуду, закуски, угощенье, что им ровно ни о чем не надо будет заботиться, надо только их согласие. После некоторых колебаний, под давлением молодых классных дам начальница согласилась, но заявила, что она не имеет права дать окончательного разрешения без одобрения какого-то вышестоящего инспектора. Тогда я поручил полковнику Кабанову вместе с начальницей гимназии поехать к сему инспектору и исходатайствовать необходимое разрешение, а сам поехал домой заниматься полковыми делами.

Инспектор оказался убеждений «образца 1905 года», то есть левый, ненавидящий офицерство и армию... Он категорически воспретил устройство вечера в здании гимназии, а в случае устройства вечера в каком-либо другом здании — воспретил гимназисткам посещение сего вечера. Кабанов разозлился и попросил у инспектора объяснений, почему так негостеприимно отнесся к перновцам. Тот заявил, что он обязан заботиться о нравственности

Эскеджи-Костан Николай Константинович, подпоручик Перновского полка 287

Я

Языковский, см. Янковский Е. Л.

Янковский (ошибочно Языковский) Евгений Леонтьевич, подпоручик лейб-гвардии Кексгольмского полка 96

Янушевский Григорий Ефимович (1861–после 1934), генерал-майор 45

О Г Л А В Л Е Н И Е

К. А. Залесский. Полная превратностей жизнь
командира полка 5

Воспоминания

о командовании 3-м гренадерским Перновским короля Фридриха Вильгельма IV полком с 17 ноября 1909 года по 2 сентября 1912 год

Предисловие 35
Глава I. Приезд в Москву 42
Глава II. Вступление в командование полком 46
Глава III. Первые шаги в командовании полком 54
Глава IV. Первые блины 58
Глава V. Случай в карауле 71
Глава VI. Празднование полком 200-летнего юбилея 91
Глава VII. Подвиг Декаполитова и Булыгинский значок 119
Глава VIII. Как был уволен со службы полковник Марков 131
Глава IX. Борьба с начальством 144
Глава X. Дело гренадера Ивана Федотовских 159
Глава XI. Представление государю императору 167
Глава XII. Солдатские похороны 189
Глава XIII. Три смерти 195

<i>Глава XIV. Социалисты-революционеры в полку</i>	204
<i>Глава XV. Реформы в армии</i>	217
<i>Глава XVI. Зимние занятия</i>	229
<i>Глава XVII. Летние занятия</i>	236
<i>Глава XVIII (последняя и неоконченная).</i>	
Смерть моего отца	262
Послесловие штабс-капитана Сергея Николаевича Гернберга к воспоминаниям генерал-майора Федора Петровича Рерберга о Перновском полку	270
Приложение 1. Вопрос казарменный	273
Приложение 2. Список господ офицеров полка, состоявших в полку в день моего прибытия в полк, а также и поступивших впоследствии	278
Приложение 3. Различные дела, слушавшиеся в Московском военно-окружном суде	295
Дело полковника Поморцева и капитана Смысловского	295
Два дела о полковнике Тумском	300
Дело гренадера Александра Богдановича	307
Дело подпрапорщика Тараса Бондаренко	312
Из дел судебного характера представляют некоторый интерес дела	323
Комментарии	332
Именной указатель	350

Рерберг Федор Петрович

**Воспоминания о командовании
3-м гренадерским Перновским
короля Фридриха
Вильгельма IV полком
1909–1912**

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Редактор *В. Е. Климанов*
Корректор *Т. Е. Ширма*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Верстка *А. И. Седяева*

ООО «Кучково поле Музеон»
123376, Москва, ул. Красная Пресня, д. 28, стр. 2, оф. 307
Редакционно-издательский отдел: +7 499 253 90 01
kpolemuzeon@gmail.com
www.kpole.ru

119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Отдел реализации: +7 495 256 04 56 (доб. 1)
info@kpole.ru

Подписано в печать 08.10.2019.
Формат 125 × 200 мм
Усл. печ. л. 19,32. Тираж 1000 экз.
Заказ №